

Я мог лишь беспомощно пожать плечами.

— Ты, заика, объясни мне толком: как другие тебя лечили? С чего это их методы помогали, а мои нет?

В этот миг я осознал всю его упрямость и фанатичную принципиальность.

Я простодушно ответил, что на самом деле никто меня не лечил, я лишь надеялся, что такой подход сработает.

Он взорвался от ярости, его глаза опасно сузились. Схватив меня за воротник, он прорычал:

— Откуда в тебе столько странностей? Из всех людей на свете, как я умудрился вляпаться именно в тебя!

Я нахмурился, собираясь возразить, мол, с чего это я вляпался, если это ты на меня запал, но тут главный экзаменатор хлопнул в ладоши и грозно на нас посмотрел: Мне плевать, как вы там друг на друга запали, сейчас вы должны разыграть сцену гомосексуальных отношений.

\*\*\*

Я серьезно отношусь к тому, на что согласился. Видя мой решительный настрой, Цзан Гуаньмо сдержал гнев.

Экзаменатор неспешно объявил сюжет:

— В общем, суть такова: один из вас собирается жениться и хочет расстаться с партнером. Как вы будете реагировать и что играть — зависит от вашего мастерства.

Я тут же вызвался:

— Я буду тем, кто женится.

Цзан Гуаньмо, явно дорожащий своим эго, фыркнул:

— Не пойдет.

— Это еще почему? — я уставился на него.

— Твой образ неубедителен. Как ни крути, это я должен тебя бросить, а не ты меня, — он невозмутимо поправил одежду.

— Поверхностно мыслишь! — Экзаменатор жестом велел нам начинать.

Я не обратил на него внимания и принялся отстаивать свою позицию перед Цзан Гуаньмо:

— Слушай сюда: во-первых, у меня дома действительно есть невеста, так что я легко войду в образ.

Он презрительно пробормотал что-то о том, что деревенщины вечно спешат под венец.

— Во-вторых, я здесь лишь фон! Скажи, какой персонаж ведет за собой? Какой персонаж создает кульминацию?

Он серьезно посмотрел на меня, усмехнулся, поднял большой палец вверх, и его взгляд вдруг стал острым.

Мое сердце бешено заколотилось. С самой первой нашей встречи я опасался этого сосредоточенного взгляда — он был подобен бушующей жажде битвы, рвущейся наружу.

— А сейчас ты говоришь довольно бойко, — он мрачно сжал кулаки, изучая меня. Ого, парень хорош, подумал я, незаметно входя в роль. — А ведь только что заикался?

— Ха-ха, ага.

— Ты притворялся с самого начала, да? — он прищурился, потирая подбородок мизинцем.

— Думай как хочешь. Если считаешь, что я притворялся — пусть будет так.

— ...Вот как? Сколько еще вещей ты скрываешь?

Он сжал губы, взгляд его метнулся в сторону, и в нем промелькнула сдерживаемая боль. Началось.

Экзаменаторы смотрели во все глаза. Давящая тяжесть, исходившая от него, заставила меня задохнуться. Инстинктивно поддавшись его напору — невидимому, но невероятно властному — я начал нести всякую чепуху. Голова кружилась, и это было не просто головокружение, а панический, смутный страх жертвы, загнанной в угол.

Кажется, я сказал: Ты ведешь себя странно, и это глупо. Мы же сразу договорились, что это просто развлечение, так зачем ты тайком влюбился? Я обязан жениться. Хотя мне и не хочется ранить тебя так быстро, но исход предрешен, не пытайся скрыться.

Цзан Гуаньмо с горькой усмешкой сопротивлялся: Тебе легко говорить, будто произнеся слово предрешен, ты умываешь руки. Кто довел меня до этого? Если бы не ты, я бы остался нормальным человеком, жил бы под солнцем. Если бы не ты, я бы не свернул на этот путь.

Я отмахнулся: Не надо выставлять все так, будто я тебя погубил и предал. Ты сам себе напридумывал, я ничего тебе не обещал.

Цзан Гуаньмо посмотрел на меня с таким отчаянием: Ты хочешь сказать, что никогда ко мне ничего не чувствовал?

Я оправдывался: Не только к тебе, я никогда не интересовался мужчинами. Я же говорил — это просто игра, поиграли и хватит. Даже если передо мной будет самый соблазнительный мужчина, у меня на них иммунитет.

Цзан Гуаньмо не успел ответить, как дверь распахнулась. Вошел мужчина лет тридцати в черной облегающей футболке и светло-синих джинсах. Он шел медленно, видимо, тоже один из экзаменаторов. Поздоровавшись с остальными, он начал наблюдать за нами.

Увидев его, я похолодел. Ну разве можно быть таким? Где тут развиваться молодым талантам?

Цзан Гуаньмо негодуяюще выплюнул: Черт, что за дела? Только что говорил про иммунитет, а как пришел этот сексуальный дядька, у тебя аж душа в пятки ушла.

Все экзаменаторы рассмеялись и одобрительно закивали. Сексуальный дядька быстро сообразил, в чем дело, и, заинтригованный, прислонился к стене.

Я не знал, что ответить, и, замаявшись, решил сменить тему: Да не носи чушь, лучше скажи, чем я тебя так достал.

Он опустил голову и что-то пробормотал. Я видел, как лихорадочно он соображает, и мне пришлось признать: этот иностранец в чем-то похож на гения.

Вскоре я услышал его слова. Горькая улыбка, голос такой низкий, будто из-под земли:

— Цзяо Цзяо, — у меня мурашки побежали по коже, а Юаньбао вздыбился. — Да, ты меня не доставал. Ты с самого начала не планировал со мной сближаться, это я сам ослеп, настолько глуп, что боялся взглянуть правде в глаза.

Я нахмурился. В его глазах горел странный свет, будто что-то насильно вырвало его из реальности и утянуло в другой мир, о котором знал только он.

— Я сам заставил себя учиться танцевать, заставил себя исполнить твою мечту. На самом деле тебе ведь плевать, так? Твоя травма ноги была лишь предлогом, ты просто не хотел больше мучиться. Слава и успех были на расстоянии вытянутой руки, зачем продолжать танцевать, преодолевая боль? Ты давно хотел уйти, верно? Это я был дураком, дураком, который вызывал у тебя лишь ненависть. Я твердил, что исполню твою мечту, тренировался днями и ночами. Когда я лежал у твоих дверей, харкая кровью, ты ведь хотел заколоть меня ножом, чтобы покончить с этим? Когда те подонки из шайки Сяо Эня зажали меня в угол, ты хоть раз думал, что было бы лучше, если бы они меня покалечили? Если бы я стал калекой, мне бы не пришлось вечно просить тебя исправлять мои движения. Ты всей душой хотел бросить танцы, а я, как привидение, не давал тебе покоя. Да? Ты хоть раз думал, чтобы покончить со мной, а? Говори, думал?! Почему ты так со мной поступил? Если хотел уйти, надо было сразу все обрубить, не стоило надевать на меня кольцо, символ мечты! Это кольцо... — он бормотал, а я смотрел на серебряное кольцо, — ради кого я это делал? Только ради того, чтобы исполнить твою мечту! Я знал, что ты больше не хочешь заниматься, что не считаешь это стоящим. Ну хорошо, ты ушел, тогда я продолжу, я пройду этот путь за тебя! Я покажу тебе полет, к которому ты так стремился. Ради кого я это делал? Да ради самого себя!

С каждым словом он делал шаг ко мне. Только я видел, как дико становилось его лицо и как мучительно звучали слова. Мое сердце бешено колотилось, дыхание перехватило. Интуиция подсказывала, что он не в себе: человек в его глазах — не я, и Цзяо Цзяо, которого он звал, — тоже не я. Будь то роль или совпадение, он попал в лабиринт воспоминаний.

— Цзан Гуаньмо, — позвал я. Он рассеянно посмотрел на меня, продолжая что-то бормотать. — Я ради кого это делаю? Кто? Ты знаешь, ради кого?

— Знаю, знаю.

Я обнял его, встав на цыпочки, чтобы он мог опереться подбородком о мое плечо.

Я не видел лиц экзаменаторов, мне было плевать, что мое сердце сжимается от боли. Я просто хотел, чтобы он успокоился. Я не мог вынести ту боль, что исходила от него, не хотел слышать свое имя из его уст, когда он обращался не ко мне.

Вдруг я возненавидел этот розыгрыш. Ситуация вышла из-под контроля, и у меня возникло дурное предчувствие.

Мужчина, прижавшийся к плечу, постепенно затих. Его бормотание стихло. Я похлопал его по спине, услышал глубокий вздох, а затем он отстранился, отошел на пару шагов и, глядя на

меня, дернул уголком рта:

— Цзяо Цзяо.

— М-м, — ответил я, стараясь казаться спокойным, хотя внутри все сжималось от горечи.

— Цзяо Цзяо, — снова позвал он, будто проверяя что-то.

— М-м... да.

Он горько усмехнулся. Кульминация прошла, пора было заканчивать спектакль.

— То, что только что было сказано, забудь. Я и сам не хотел, чтобы ты это запомнил.

— М-м... — я глубоко вздохнул, опустив голову. Цзан Гуаньмо нетерпеливо кашлянул. Черт, только тебе позволено входить в роль? А я должен быть бесчувственным бревном? Раз торопишь — заставлю тебя пожалеть. — Раз не хочешь, чтобы я запомнил, уничтожь напоминание.

— В смысле? — он опешил.

Я кивнул на его кольцо и хитро улыбнулся. Его лицо изменилось, он помедлил, а потом с досадой снял кольцо и стиснул зубы:

— Лапу.

Моя рука сама потянулась к нему. Он, будто припертый к стенке, яростно нацепил кольцо мне на указательный палец, будто хотел сломать кость:

— Попробуй только потерять — не сносить тебе головы!

Я смотрел на сверкающее серебро и был так счастлив, что, сам не знаю с чего, по привычке, что осталась от общения с Чжоу Ли, раскрыл объятия и потянулся лицом вперед.

Явно собираясь поцеловать. Я мысленно завопил: «Конец!», но тело не слушалось. Цзан Гуаньмо вздрогнул, не зная, всерьез ли это, инстинктивно уперся в меня рукой. Его лицо то белело, то серело, потом налилось краской, и он в ярости обернулся к экзаменаторам:

— Эй! Хватит уже, стоп! Или мне правда целовать?! — с этими словами он оттолкнул меня. Мой лоб мгновенно остыл. Я неловко улыбнулся, а он смотрел на меня сложным взглядом, плотно сжав губы.

Мне вдруг стало очень обидно.

Я — человек пробивной, меня не раздавить, но сейчас почувствовал, как будто в сердце вонзили иголку.

— Ха-ха-ха, неплохо, очень неплохо, — сексуальный дядька захлопал в ладоши. Главный экзаменатор поспешно уступил ему место. Видимо, это важная персона. Похоже, Цзан Гуаньмо заработал отличные баллы.

Я пробормотал себе под нос:

— Поздравляю... мне пора к друзьям.

Сказал так тихо, что даже Юаньбао не услышал, не говоря уже о Цзан Гуаньмо.

Я сбежал, не оглядываясь.

Выйдя наружу, я не стал искать остальных. Увидев, что Люй Цю нет, я вздохнул с облегчением. Юаньбао, сидевший у меня на плече, давно должен был сменить фамилию на Цзяо.

Цзан Гуаньмо мог выйти в любой момент, а мое сердце до сих пор колотилось. Я не стал медлить, обошел перегородку и попрощался с парнем из сектора Б.

Хотел найти Лянь Дуна, но во-первых, кругом полно людей, а я хотел побыть один, а во-вторых, он наверняка занят.

Я вышел через заднюю дверь на улицу и долго сидел на бордюре, стараясь дышать ровно. Перед глазами постоянно всплывало лицо Цзан Гуаньмо. Я изо всех сил колотил себя по голове, достал нюхательный карандаш и глубоко вдохнул. Холод ментола пронзил мозг.

Наконец, я успокоился. Старушка с седыми волосами и сгорбленной спиной прошла мимо с жестяной кружкой, с надеждой глядя на меня. Я подпер голову рукой, воссоздав позу Мыслителя Родена на обочине дороги в одном из крупнейших городов Китая XXI века.

Август, солнце припекало, но в тени дерева было прохладно. Юаньбао начал беспокоиться, дергая меня за волосы. Делать нечего, подумал я, шиншилла же вроде как родственник белки?

Я нашел ближайший KFC.

— Мне одну порцию кукурузного салата, маленькую.

Девушка за прилавком мило улыбнулась:

— Господин, ваш питомец такой милый! Не хотите взять сет Хамутаро? Смотрите, — она достала пластиковую игрушку. Она была очень похожа на Юаньбао. — Как они подходят друг другу.

— Если я куплю кукурузный салат, вы дадите ее в подарок?

— Четыре юаня. — Улыбка девушки исчезла, она потянулась за игрушкой. — ...Вы бы хоть разжали руки, держите так крепко.

— ... — Ну почему женщины вечно такие? Только Чжоу Ли получше.

Сидеть в зале было неудобно: вдруг Юаньбао увидит столько еды и начнет носиться как угорелый? Я потом Лянь Дуна продам — не расплачусь. Пришлось снова присесть у дороги и кормить его по зернышку. Юаньбао был послушным и не крошил.

Вдруг зазвонил телефон, и голос «брата Белого Волна» проникновенно запел о бриллиантах.

— Вкусно! — я хлопнул в ладоши. — Кто же это такой успешный пользуется этой мелодией?

Послушав немного, я достал телефон из кармана. И так ясно, кто это.

Лянь Дун заорал:

— Цзяо Цзяо, ты где?! Я обыскался!

Я сказал, что дышу свежим воздухом, и спросил, как у него дела.

Голос Лянь Дуна дрожал:

— Экзамен закончился, ждем результатов. Сказали, что изначально планировали пять человек, но сейчас возьмут восемь для обучения. Пятерых уже отобрали, все парни. Сейчас выберут еще троих, быстро приходи, поддержи меня, я в секторе А, у меня ноги ватные.

Подумать только, какой слабак. Я вон перед толпой геев играл и то не боялся.

Войдя в павильон, Лянь Дун сразу меня заметил — еще бы, с моим видом в КФС трое детей расплакались.

Он потащил меня к себе.

Парень слева был мне знаком.

Люй Цю быстро подбежал ко мне с улыбкой:

— Наконец-то нашел! Я с ума сошел, пока бегал. Ты тоже хорош: стоило мне в туалет сходить, как ты исчез.

Юаньбао издал протяжный писк и прыгнул на плечо хозяину. У меня внутри все закипело от ревности: четыре юаня коту под хвост!

— Я спрашивал Цзан Гуаньмо, где ты, а он ответил: откуда мне знать, куда Цзяо Цзяо потаскал своего сына. — Люй Цю рассмеялся и толкнул меня в плечо. Юаньбао повторил жест и махнул лапкой.

Я завидовал до слез. Почему у других питомцы такие понятливые? Мой Техас — просто тупица: каждый раз, когда соседские дети приходят воровать яйца, он вместо того, чтобы, как я, гнать их прочь, сидит в гнезде и глупо кудахчет.

Я надулся и огляделся по сторонам:

— А где он? Не вижу.

— Да он еще в первой партии прошел. Пятеро человек пошли с экзаменатором заполнять анкеты. Ты бы видел его — такой гордый! Впрочем, танцует он бесподобно, говорят, и актерская игра была на высоте, — Люй Цю ткнул меня в бок, спрашивая, правда ли это.

Я преувеличенно подпрыгнул, подражая тому самому парню:

— «Брейк! Да у меня поясница золотая, ты можешь ее коснуться?! Попробуешь еще раз — взорвусь!»

Лянь Дун икал от смеха, забыв про нервы, и принялся колотить меня:

— Откуда эта привычка?

Люй Цю вообще по полу катался:

— Цзяо Цзяо, жаль, что ты не сдавал экзамен, ты же прирожденный актер.

Тут дверь открылась, и все притихли. Девушки заметно нервничали. Я искал глазами того самого мужчину — оказалось, даже любители искусства умеют волноваться.

Вышла группа экзаменаторов, в центре — тот самый сексуальный дядька. Черт, буду звать его Секси, так проще.

Секси вальяжно прохаживался, его аура подавляла всех парней, а сердца девушек забились чаще.

— Кто этот мужик? Почему... почему он такой притягательный? — Лянь Дун выдохнул. Похоже, дядька Секси не всегда присутствует на отборах.

— Он был, когда ты выступал? — прошептал я Люй Цю. Тот молчал. Я взглянул на него и удивился: он был бледным как полотно и смотрел на Секси с такой ненавистью, будто перед бурей.

Люй Цю не ответил мне, а подошел к нему:

— Дядя Энь, — позвал он. Я почувствовал, как дрожит его голос.

Секси с той же очаровательной улыбкой наклонил голову:

— Ты кто?

Лицо Люй Цю побелело, он указал на шрам под левым ухом:

— Не помнишь? Я из семьи Люй Цю.

— ...Люй Цю, Люй... А! — Секси щелкнул себя по лбу. — Вспомнил! — Девушки вокруг ахнули.

— Хм, — парень со светлой кожей и взъерошенными волосами пренебрежительно усмехнулся. — Сейчас еще и связи заводит.

Я разозлился, сжал кулаки, готовясь вмешаться. Люй Цю не из таких, посмотри, какой он бледный, разве это похоже на желание завести связи?

Не успел я вспылить, как услышал:

— Вспомнил, два брата из семьи Люй Цю, вы так выросли. Ты... Сяо Кан?

Люй Цю закусил губу, пальцы на шраме дрожали:

— Теперь узнал? Да, я Сяо Кан.

Секси озадаченно нахмурился, вглядываясь в него:

— Да, верно, Сяо Кан... Сколько лет прошло, я уже и забыл... А где твой брат? — он усмехнулся. — Неужели вы оба пришли на прослушивание?

Люй Цю так сильно сжал губы, что остались следы зубов. Он горько улыбнулся, махнул рукой и отошел ко мне. Секси слегка убавил улыбку, задумчиво глядя ему вслед, прежде чем достать бумагу из конверта.

Вступительные слова, благодарности, сожаления о ограниченности мест — Секси вел себя

очень официально.

— Кто это? Если он знает вашу семью, почему не помнит, кто из вас старше?

Люй Цю смотрел вперед так, будто готов был проглотить его живьем.

— Его зовут Сяо Энь. Погуглишь и поймешь — он серый кардинал в мире искусства, заправляет всем. — Он стиснул зубы, в глазах — сложная смесь чувств. — Я пришел сюда только ради него.

Я только хотел спросить, что к чему, как из комнаты слева вышла группа людей. Цзан Гуаньмо шел впереди всех, его особая манера движений и притягательная внешность сразу бросались в глаза.

Я замер, не в силах отвести взгляд. Лянь Дун рядом молился, чтобы его имя назвали, но я не слушал. В душе что-то екнуло: то, как он шел, было чертовски завораживающим, напоминая о его танце. В жизни я не испытывал такого потрясения. Ему потребуется много лет, чтобы прославиться, так что пусть я посмотрю на него подольше, чтобы воспоминания остались надолго.

Он, видимо, почувствовал пристальный взгляд, щелкнул пальцами и обернулся.

Наши глаза встретились.

Я инстинктивно коснулся переносицы. Он расширил глаза, на его лице отразилась целая гамма эмоций. Не знаю, что он хотел сказать, но он импульсивно дернулся в мою сторону. Это участие, это избавление от прошлых обид. Я счастливо рассмеялся.

<http://bllate.org/book/21141/2144102>